

Веретено, ткацкий челнок и иголка

Братья Гримм

Девушка-сиротка жила когда-то без отца, без матери; они умерли, когда она была еще ребенком. В конце деревни в избушке жила одна-одинешенька ее крестная, которая зарабатывала себе хлеб насущный своим умением прясть, ткать и шить.

Старушка взяла к себе покинутое дитя, приучила к работе и воспитала в благочестии.

Когда девушке минуло пятнадцать лет, старушка заболела, подозвала к себе свою крестницу и сказала: «Милая, чувствую, что приближается конец мой! Оставляю тебе домик, в котором ты и от ветра, и от непогоды будешь всегда иметь приют; сверх того, оставляю тебе веретено, ткацкий челнок и иголку, ими ты всегда прокормишься».

Потом возложила ей руки на голову, благословила ее и сказала: «Всегда имей Бога в сердце твоём — и благо будет тебе».

С тем и закрыла глаза; и когда ее хоронить стали, крестница пошла за ее гробом с горькими слезами и воздала ей последний долг.

И вот зажила девушка одна-одинешенька в маленькой избушечке; работала усердно: пряла, ткала и шила, и на всех делах ее, видимо, покоилось благословение доброй старушки...

Казалось, лен как будто не переводился в ее кладовой, а когда она, бывало, закончит ткать сукно или ковер либо рубашку сошьет, на все это сейчас же найдется и покупатель и заплатит щедро, так что сиротка наша ни в чем не нуждалась да еще и другим кое-чем помогать могла.

Случилось, что около того времени сын короля той земли разъезжал повсюду, разыскивая себе невесту. Бедной он избрать не смел, а богатую избрать не желал.

Вот и сказал он себе: «Моей женою будет та, которую можно будет назвать и самою бедною, и самою богатою».

И вот, приехав в ту деревню, где жила сиротка, он спросил (как спрашивал

езде): «Кто здесь, в деревне, из девушек беднее всех и кто богаче всех?»

Сначала показали ему ту, которая была богаче. «А беднее-то всех, — сказали ему, — та девушка, что живет в маленькой избушке на самом конце деревни».

Богатая в полном наряде сидела у дверей своего дома, и когда королевич к ней приблизился, она встала, пошла навстречу и поклонилась ему.

Он на нее посмотрел, ничего ей не сказал и проехал далее. Когда же он подъехал к дому бедной сиротки, она не стояла у дверей, а сидела у себя в комнате. Он сдержал коня, заглянул в окошечко и при ярком солнечном свете увидел, что девушка сидит за самопрялкой и усердно прядет.

Она подняла очи и, заметив, что королевич заглядывает к ней в избушку, раскраснелась, как маков цвет, опустила глаза долу и продолжала прясть.

Пряжа ли была на этот раз очень ровна или другое что, не знаю, но только она продолжала прясть до тех пор, пока королевич не отъехал от ее окошка.

Тогда подошла она к окну, отворила его и сказала: «В комнате так жарко!» — и все смотрела ему вслед, пока мелькали вдали белые перья на его шляпе.

Затем она села вновь за свою работу и продолжала прясть. Тут ей припомнилось, как, бывало, старушка, сидя за работой, тихонько про себя подпевала:

Приведи, веретено,
Жениха мне под окно.

И что бы вы думали? Веретено вдруг у ней из руки вырвалось да к двери — шмыг!

А когда она в изумлении вскочила с места и посмотрела вслед веретену, то увидела, что оно веселехонько по полю скачет и блестящую золотую нить за собою тянет...

А там и из глаз у нее скрылось.

Другого веретена у девушки не было, а потому и взяла она ткацкий челнок, села за ткацкий стан — и давай ткать.

А веретено тем временем скакало да скакало, и как раз в то время, когда уж

намотанная на нем нить к концу подходила, веретено нагнало королевича. «Что я вижу? — воскликнул он. — Веретено как будто хочет мне показать дорогу?» — Повернул он коня и поехал по золотой нити обратно.

А девушка сидела за своей работой и пела:

Челночок, ты мой проворный!

Тки дружку ковер узорный!

И тотчас выскользнул у ней челночок из рук и за двери — шмыг! И перед самым порогом двери начал он ткать ковер, да какой ковер-то! На том ковре по бокам розы да лилии, а посредине, на золотом поле, протянулись зеленые нити растений, и между ними зайчики да кролики поскакивают, олени да козочки головки вперед выставляют, а вверху в ветвях сидят пестрые пичужки, совсем как живые, только песни не поют!

А челночок знай со стороны на сторону так и снует, так и носится, и ковер под ним будто сам растет!

Как выскользнул у девушки челночок из рук, девушка села за шитье; держит иглу в руках да подпевает:

Мы с иголкой вдвоем

Хорошо украсим дом!

И иголочка тоже юркнула у ней из рук и давай носиться по комнате, как молния.

Можно было подумать, что за убранство принялись какие-то неведомые духи: там стол зеленой скатеркой накрыли, а лавки зеленым сукном обтянули, там стулья бархатом прикрыли и на окна шелковые занавеси навесили!

И едва только иголочка последний стежок сделала, как уже сиротка увидела в окошко белые перья на шляпе королевича, которого веретено привело по золотой нити.

Сошел он с коня, переступил через ковер прямо в дом и, чуть вошел в комнату, видит, что девица стоит в своем бедном платьице и словно роза цветет.

«Ты самая бедная и самая богатая изо всех! — сказал он ей. — Пойдем со мною и будь мне невестой!»

Она молча протянула ему руку. А он ее поцеловал, усадил на своего коня и привез в королевский замок, где свадьба была отпразднована превеселая.

А ее веретено, челнок и иголка положены были в королевскую казну на хранение и хранились в великом почете.